

ОН НЕ СУДИТ.
ОН ЧИНИТ.

ХЭНД ДИМЕН

ОХОТНИК НА УБИЙЦ

НИЯЗ ГРИД

18+

Нияз Грид

Хэндимэн

«Автор»

2026

Грид Н.

Хэндимэн / Н. Грид — «Автор», 2026

Итан Кроу — обычный владелец магазина туристического снаряжения в Сиэтле. По крайней мере, так думают все. На самом деле он — Хэндимэн, самый неуловимый охотник на серийных убийц в мире. Пятнадцать жертв в пятнадцати странах: Колумбия, Япония, Италия и другие. Он находит самых жестоких монстров и «чинит» их теми же инструментами, которыми они убивали своих жертв. Но когда в Риме появляется новый маньяк — «Жених с кожаным лицом», — Итан понимает, что столкнулся с противником, который играет по тем же правилам. Только этот убийца не просто мстит. Он хочет, чтобы весь мир жил в страхе. Теперь Итан вынужден сделать невозможный выбор: остаться героем или стать тем, кого он всегда уничтожал. Тёмный, атмосферный психологический триллер о мести, справедливости и цене, которую платит человек, решивший стать судьёй в мире, где судей нет. Для фанатов «Декстер», «Семь», «Охотник на убийц» и «Джек Ричер».

© Грид Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	7
Часть 1. Приглашение	7
Часть 2. Тени под сакурой	10
Часть 3. Сломанный скальпель	12
Часть 4. Скальпель в руках	14
Часть 5. Зеркало в алтаре	16
Часть 6. Последний лепесток	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нияз Грид Хэндимэн

Пролог

Ночь в Боготе — это когда город притворяется, что спит, но на самом деле просто ждёт, пока кто-то сделает ошибку. Я стою в тени между двумя ржавыми грузовиками на заброшенной парковке у старого склада в Санта-Фе. Фонари мигают через один, жёлтый свет падает на лужи, как будто кто-то разлил дешёвый виски. Руки в тонких чёрных перчатках. Куртка — куплена здесь же, за наличные, без чека. Я готов уже четыре дня. Не три часа, как раньше думал, а четыре полных дня. Потому что я не люблю сюрпризы. Сюрпризы — это для тех, кто верит в удачу. Я верю в планирование.

Всё началось с новостей. Три месяца назад в местных газетах появились первые заметки: девочки 12–16 лет исчезают в бедных районах. Через неделю-две находят тела в заброшенных складах — череп проломлен, следы от ударов молотком. Один и тот же инструмент: строительный молоток с когтем, дешёвый, китайский, такие продаются в любом хозяйственном на Каррера-Седьмой. Он не насиловал их — просто бил по голове, раз за разом, пока не переставали дёргаться. Восемь жертв. Восемь имён в полицейских отчётах, которые я скачивал в интернет-кафе под чужим Wi-Fi. Он выбирал тех, кто ходил один, возвращался из школы или с работы. Оставлял тела аккуратно — как будто хотел, чтобы их нашли быстро. Полиция называла его "Martillero" (Молотобоец). Пресса — "El Matador de Niñas" (Убийца девочек). Я называю его просто: Четырнадцатый.

Я начал подготовку сразу по прилёте. День первый: снял комнату в отеле в трёх кварталах от склада — с окном на улицу, чтобы создать алиби (камеры отеля фиксируют, как я вхожу и выхожу в "обычное" время). День второй: прошёлся по барам и магазинам в районе, где он охотился. Подслушал разговоры таксистов, уборщиц, торговцев. Один таксист рассказывал, что видел подозрительного типа — высокий, худой, с сумкой инструментов — несколько раз в одном и том же переулке. День третий: купил молоток в том же хозяйственном на Каррера-Седьмой. Продавец спросил: "Para reparaciones?" (Для ремонта?). Я улыбнулся: "Да, для одного очень важного ремонта. Давно пора починить то, что сломано". Он рассмеялся. Я нет. День четвёртый: разведка склада. Проверил входы-выходы, отсутствие камер, пути отхода — через задний двор в переулок, потом в метро. Всё продумано. Если что-то пойдёт не так — у меня три запасных варианта. Я всегда думаю на три шага вперёд. Потому что один шаг назад — это когда тебя ловят. А меня не ловят.

Он опаздывает на девять минут. Я знаю его расписание: каждую среду в 23:40 он приходит сюда "проверить работу". Сегодня — с пакетом: новый молоток и бутылка рома. Он всегда берёт ром перед "работой". Как ритуал. Я вижу его силуэт — высокий, худой, сторбленный, как будто носит на плечах весь свой грех.

Он заходит внутрь. Ржавые ворота скрипят. Я даю тридцать секунд. Затем иду следом.

Внутри — темнота, запах плесени, старого масла и чего-то металлического. Он включает фонарик телефона. Луч скользит по бетону, по ящикам. Останавливается у стены — его любимое место.

Я подхожу бесшумно.

— Buenas noches (Добрый вечер), — говорю тихо.

Он разворачивается. Фонарик в лицо. Он видит меня — высокого, спокойного, в капюшоне. Рука тянется к сумке — там нож на всякий случай.

— ¿Quién eres? (Кто ты?)

Не отвечаю. Достаю фото девочек — распечатанные в том же интернет-кафе. Держу перед ним. Восемь лиц.

Он узнаёт. Страх в глазах — чистый, как первый удар.

— ¿Qué cara jo...? (Что за чёрт...?)

Бью в солнечное сплетение — коротко, точно. Он падает на колени. Телефон катится. Фонарик освещает нас сбоку. Наступаю на руку. Хруст. Он кричит — эхо глушит.

Сажусь на корточки. Достаю молоток — тот самый, из магазина. Он холодный, тяжёлый.

— Ты бил их восемь раз, — говорю спокойно. — Я ударю один. Чтобы было честно. И быстро.

Он пытается отползти. Хватаю за волосы, прижимаю к стене. Он плюётся, ругается. Я поднимаю молоток. Хочу, чтобы он увидел. Чтобы понял.

Держу фото перед его лицом.

— Посмотри на них. Они смотрели на тебя так же. Ты думал — это сила. Это не сила. Это конец.

Он хрипит. Пытается закрыться руками. Я бью — один точный удар в висок. Кровь. Тишина. Тело сползает. Глаза открыты, пустые.

Проверяю пульс — нет. Затем достаю маркер. Пишу на стене:

AHORA NADIE MÁS SUFRIRÁ POR SUS MANOS (Теперь никто больше не будет страдать от его рук)

Sus víctimas: (Его жертвы:) María López, 13 años (13 лет) Ana Rivera, 14 años (14 лет) ... Elena Díaz, 15 años (15 лет)

Пусть увидят. Пусть поймут: это не случайность. Это приговор тому, кого они ловили месяцами и не поймали. Пресса назовёт это делом Handyman. Звучит почти мило — как будто я пришёл починить кран. На самом деле я просто починил то, что мир сломал. И мне не смешно. Хотя иногда думаю: если бы он знал, что его последний "ремонт" будет с таким инструментом, он бы, наверное, взял выходной. Черный юмор помогает. Держит меня в равновесии. Потому что внутри — та же трещина, что и в 16 лет, когда я смотрел, как умирает отец. Кровь на ковре. Тело. И я, который не смог ничего сделать. С тех пор я делаю. Потому что если не я — то кто?

Вытираю молоток о его куртку. Оставляю рядом с телом — как он оставлял. Выхожу через чёрный ход. Дождь смывает следы.

Самолёт в 4:17. Майами. Сиэтл. Такси. Дом.

«Far Horizon». Захожу через чёрный ход. Снимаю куртку. В зеркале — обычный мужчина 35 лет. Брюнет, голубые глаза, лёгкий загар. 185 см. Ничего особенного. Если не считать, что я только что починил ещё одну проблему мира.

Кофеварка. Альбом в ящике — тринадцать фото. Каждое — место, где я был "до". Добавляю селфи с площади Боливар — улыбаюсь в камеру, как турист. Закрываю.

Кофе в кружке. Сажусь. Смотрю на дождь.

Я дома.

Но тот, кто внутри, шепчет: "Ещё не всё починил".

Допиваю. Переворачиваю табличку: «Открыто».

Обычный день.

Глава 1.

Часть 1. Приглашение

Утро в «Far Horizon» — это всегда один и тот же ритуал: в 8:45 открываю дверь, переворачиваю табличку «Открыто», включаю кофеварку, раскладываю свежие дождевики от Patagonia по полкам. Запах резины и свежесмолотого кофе — мой способ убедить мир (и себя), что всё под контролем. Клиентов ещё нет, только бегуны под дождём мелькают за витриной. Я стою у окна, смотрю на серую улицу и думаю: ещё один день, когда никто не знает, кто я. Итан Кроу. Просто Итан Кроу, который продаёт рюкзаки людям, мечтающим о приключениях, которых у них никогда не будет.

Телефон звонит в 10:17. Код +81. Дядя Рэй. Рэймонд Кроу, младший брат отца. Шестидесять два года, 175 см, телосложение как у человека, который до сих пор может поднять ящик с инструментами одной рукой и не вспотеть. Бывший военный, уволен в девяностых за то, что «слишком хорошо» выполнял приказы. С тех пор в Токио: импорт ножей, экипировки, рыболовных снастей. Но его настоящие связи — портовые склады, тихие сделки, люди, которые решают проблемы за наличные и молчание. Он никогда не звал меня в это. Я никогда не спрашивал.

— Итан, мой мальчик, — голос низкий, с привычной хрипотцой. — Ты всё ещё продаёшь палатки тем, кто боится комаров больше, чем жизни?

Я усмехаюсь в трубку.

— А ты всё ещё продаёшь туристам «аутентичные» катаны из Тайваня?

Он смеётся — коротко, как выстрел.

— Только самые острые подделки. Слушай. Приезжай. Давно не виделись. Не бизнес, не волнуйся. Просто... семейное. Сакура цветёт. У тебя там вечный дождь, а здесь — розовый снег.

Я молчу секунду. Пятнадцатая страна. Мысль приходит сама. Отгоняю её.

— Когда?

— Завтра. Билет купил. Первый класс. Послезавтра утром в Нариту. Я встречу.

Он не спрашивает согласия. Знает, что прилечу.

— Хорошо, дядя Рэй. Увидимся.

— И... привези что-нибудь из старого. Фото или... ну, сам поймёшь.

Он кладёт трубку. Я стою с телефоном в руке. «Из старого». Он имеет в виду отца. Что-то после той ночи в Форт-Лодердейле. Воспоминание вспыхивает: кровь на ковре, тело отца на полу, обычный молоток в углу комнаты — инструмент, который убийца взял с собой с кухни или из гаража. Один удар — и всё кончилось. Я стоял в дверях, шестнадцатилетний, и смотрел, как жизнь уходит из глаз отца. Не кричал. Не плакал. Просто смотрел. С тех пор что-то внутри меня сломалось навсегда. Желание справедливости и желание убивать сплелись в один узел. Но есть ещё одна причина, почему я использую только рабочие инструменты: молоток, отвёртку, пилу — то, что лежит под рукой у любого. Я надеюсь, что тот, кто убил отца, однажды заметит паттерн. Увидит новости о человеке, который «чинит» мир теми же средствами, и выйдет из тени. Потому что если он не придёт ко мне — я никогда его не найду. Это не просто психотравма. Это приманка. И я сам на неё насаживаюсь каждый раз.

Звоню Майку — менеджеру. Улетаю на две недели. Он привык. Закрываю магазин раньше. Пакую сумку: минимум вещей. Ничего подозрительного. Всё нужное найду на месте. Я всегда так делаю.

Перелёт в полусне. Первый класс — шампанское, плед, а я думаю: зачем именно сейчас? Что он хочет сказать?

Нарита. Утро. Дядя Рэй у выхода — чёрное пальто, седые волосы, глаза стальные, но с трещиной усталости. Обнимает крепко.

— Выглядишь как твой отец в тридцать пять, — говорит он. — Только глаза... они видели больше.

Едем в Сэтагая. Дом старый, японский с американскими акцентами: деревянные полы, низкие столы, но в кабинете — сейф и коллекция ножей на стене. Всё легальное. Почти.

Сидим на веранде. Сакура цветёт — лепестки падают медленно. Рэй наливает виски.

— Твой отец... — начинает он тихо. — Он верил, что ты пойдёшь другой дорогой. Не нашей. А потом та ночь. Я был в Корее. Прилетел через двое суток. Ты сидел в больнице, смотрел в стену. Не плакал. Просто... смотрел.

Я киваю. Не хочу углубляться. Он продолжает.

— Мы не нашли того ублюдка. Полиция сказала: случайный. Я знал — нет. Кто-то знал нас. Знал, как ударить больнее всего. Убил обычным инструментом — как будто это не человек, а поломка в системе. Я искал десять лет. Потом сдался. Уехал сюда.

Он делает глоток. Молчит секунду.

— Слышал про этого... Хэндимэн? — спрашивает он тихо. — Новости по всему миру. Убивает серийных убийц, всегда рабочим инструментом. Молотком, отвёрткой, пилой — тем, что под рукой. Почерк... почти как у того, кто убил твоего отца. Один удар. Чисто. Без лишнего. Я иногда думаю... вдруг это он? Тот самый ублюдок, который вернулся и теперь «исправляет» мир? Но тогда почему только серийников? Твой отец не был таким. Он был хорошим человеком. Слишком хорошим для этого мира.

Я смотрю на лепестки, падающие на стол. Улыбаюсь — легко, почти шутливо.

— Дядя Рэй, если этот Хэндимэн — охотник на серийников, то он вроде как хороший парень. По крайней мере, делает то, что полиция не может. А насчёт отца... нет. Тот, кто убил его, не стал бы ждать столько лет и менять стиль. Он бы просто исчез. Или пришёл за мной. А я всё ещё здесь. Живой. Продаю рюкзаки. — Я делаю паузу, смотрю ему в глаза. — И если этот Handyman действительно тот самый... то он бы уже закончил. Но он продолжает. Значит, не он. Или... значит, мир сломан сильнее, чем мы думали.

Рэй смотрит на меня долго. В его глазах — смесь боли и чего-то, похожего на страх. Он поднимает стакан.

— За твоего отца. И за то, чтобы мы никогда не узнали правду.

Мы чокаемся. Стаканы звенят тихо, как колокольчики под сакурой. Лепестки падают на стол между нами — розовые, хрупкие, как воспоминания. Разговор заканчивается. Но тишина между нами теперь другая. Глубже. Как будто мы оба знаем: правда ближе, чем кажется.

Вечером ухожу гулять. Днём Токио — хаос света: Синдзюку, толпы, запах рамена. Делаю селфи у храма Сэнсо-дзи, у реки Сумида, под лепестками. Обычные фото. Чтобы потом посмотреть и вспомнить: здесь я был просто человеком.

Ночь. Асакуса. Узкие улочки, красные фонари, почти пусто. Запах дождя и сигарет. Поворачиваю в переулок — и вижу.

Тело. Мужчина в чёрной сутане католического священника, лет пятидесяти. Лежит на спине в тени стены. Горло перерезано одним точным движением — от уха до уха, но не просто разрезано: рана глубокая, ровная, как будто сделана лезвием, которое использовали для ритуала. Кровь растеклась аккуратным полукругом вокруг головы — почти как нимб. Руки сложены на груди в молитвенной позе, пальцы переплетены, будто он умер в момент последней молитвы. Глаза открыты, устремлены вверх — на небо, которого в переулке не видно. На сутане — маленький серебряный крест, сорванный с цепочки и положенный рядом с раной, как будто маньяк хотел, чтобы священник «взял» его с собой. Паттерн я знаю из новостей:

третий такой случай за полгода. Только священники. Горло перерезано одним движением, тело в позе молитвы или медитации. Мотив скрыт — возможно, месть за что-то личное, возможно, сломанная вера. Но однообразно. Холодно. Изобретательно в своей простоте.

Тот, кто внутри меня, шепчет: «Вот оно. Почини».

Я достаю телефон. Делаю фото — не тела, а переулка, фонаря, лепестков на асфальте. Селфи не нужно. Это не для альбома. Это для памяти.

Затем ухожу. Медленно. Никто не видит.

Токио спит. А я уже проснулся.

Часть 2. Тени под сакурой

Первые дни в Токио прошли в обманчивом спокойствии. Я гулял по улицам, делал селфи под сакурой, как обычный турист, но внутри уже работал механизм. Я не люблю ждать — жду, пока мир сам не подкинет мне инструмент. А здесь он подкинул целую серию.

Я начал с публичных источников. Утром, пока дядя Рэй был на встречах в порту, я сидел в маленьком кафе недалеко от дома с ноутбуком. VPN через несколько серверов — Гонконг, Сингапур, Амстердам. Ничто не должно вести к Сиэтлу. Я прошёлся по японским новостным сайтам: NHK, Asahi Shimbun, Yomiuri. Ключевые слова: «## ##» (убийство священника), «# ##» (перерезанное горло), «#####» (поза молитвы). Три случая за полгода. Все жертвы — католические священники (один буддистский монах в Киото, но полиция считает его отдельным). Тела находили в тихих переулках, всегда ночью, всегда в позе молитвы, крест сорван и положен рядом с раной. Ни записок, ни следов борьбы. Ни ДНК, ни отпечатков. Только аккуратность. Как будто убийца хочет, чтобы жертва выглядела мирно ушедшей.

Я углубился глубже. Через анонимный доступ к базам данных (я не хакер-киберпанковский гений, но годы практики сделали меня хорошим — простые уязвимости в старых полицейских порталах, открытые API новостных агентств, утечки в даркнете). Отчёты полиции Токийского управления общественной безопасности: предварительный портрет. Мужчина, 40–55 лет, японец, рост 170–175 см, среднее телосложение, спокойный, незаметный. Свидетели описывали его как «обычного человека в тёмной одежде, с капюшоном». Одна камера уловила силуэт — ничего чёткого, но видно: он шёл медленно, не спеша, как будто просто гуляет. Нет машины — пешком. Умный. Как я.

Я искал связи между жертвами. Посетил три церкви: католический собор в Асакусе (где нашли первую жертву), небольшую часовню в Янака (вторая) и католический центр в Роппонги (третья). Всё делал днём, как турист: заходил, ставил свечку, сидел в заднем ряду, наблюдал. Разговаривал с прихожанами — тихо, вежливо, на ломаном японском с акцентом. «Я из Америки, интересуюсь историей христианства в Японии». Люди открывались: священники были известны как «строгие, но справедливые». Но в разговорах проскальзывало: все трое были в одной комиссии по этике церкви в 2018–2020 годах. Там же всплыл скандал: обвинения в сокрытии случаев домогательств к несовершеннолетним прихожанам. Ничего не доказали официально — свидетели отказывались, документы «потерялись», дело закрыли. Но несколько семей ушли молча. Некоторые шептались: «Они знали и ничего не сделали». Священники отрицали. Комиссия сказала: «Нет доказательств». Я понял: убийца мстит за то, что церковь не услышала. За детей, которых сломали. За молчание. И я... понимаю его. Сам бы сделал то же самое. Если бы знал, что они виновны. Если бы видел доказательства. Это не убийство. Это баланс. Как и у меня.

Вечером я вернулся домой. Дядя Рэй ждал на веранде с виски. Сакура всё ещё цвела, лепестки падали, как розовый дождь.

— Ты много гуляешь, — сказал он, наливая мне стакан. — И не только по туристическим местам.

Я улыбнулся.

— Просто знакомлюсь с городом. А ты? Слышал что-то новое о тех убийствах священников?

Он кивнул медленно.

— В кругах... шепчутся. Полиция в тупике. Три жертвы — и все из одной старой комиссии. Говорят, кто-то мстит за то, что церковь скрыла. Давно. Может, ребёнок, которого не защитили. Или брат, сестра. Убийца не оставляет следов, но делает это... ритуально. Как будто хочет, чтобы они умерли в молитве. Будто говорит: «Ты молился — теперь молись вечно».

Я сделал глоток. Виски обжёг горло.

— А портрет? Есть что-то конкретное?

— Мужчина средних лет. Спокойный. Никто не запомнил лица — только силуэт. Как призрак. В криминальных кругах шутят: «Это не якудза. Это кто-то, кого церковь сломала». Но никто не знает. А ты... ты интересуешься почему?

Я пожал плечами.

— Просто страшно. Когда священников убивают в их же городе. Напоминает... старые времена.

Он посмотрел на меня долго.

— Да. Напоминает. Но будь осторожен, Итан. Токио — большой город. В нём легко потеряться. Или найти то, что не ищешь.

Мы замолчали. Лепестки падали между нами. Я знал: он подозревает. Не меня — просто чувствует, что я не просто турист. Но он молчит. Как всегда.

Прошла почти неделя. Я копал глубже: взломал закрытые форумы для бывших прихожан, перерыл архивы епархии через открытые утечки. Связи укреплялись — все трое подписали отчёт о «закрытии» скандала в 2019-м. Одна из жертв скандала — мальчик, который покончил с собой. Возможно, он и есть связывающее звено с убийцей. Или кто-то из его семьи. Я почти сочувствовал. Почти.

А потом — новое убийство.

Ночь с воскресенья на понедельник. Я гулял по Асакусе — не случайно, а по маршруту, где чаще всего находили тела. Услышал сирены. Пошёл на звук. Переулок за храмом — полицейские ленты, вспышки фотоаппаратов. Тело священника — отец Кендзи, 52 года. Горло перерезано, поза молитвы, крест рядом. Но на этот раз — ошибка.

Маленькая. Почти незаметная.

На земле, в луже крови, лежал смятый билет на метро. Не простой — с датой и временем, и чётким отпечатком пальца (кровь смешалась с чернилами принтера). Камера с ближайшего фонаря уловила силуэт — тот же, но теперь видно номер машины такси, которое стояло в конце переулка за минуту до убийства. Такси уехало, но номер — жёлтый, местный. Я сфотографировал всё незаметно. Вернулся в кафе неподалёку, взломал базу такси через старый API (уязвимость всё ещё жива). Машина принадлежит компании в районе Сибуя. Водитель — мужчина 48 лет, японец, живёт один. Имя: Хаяси Кендзиро.

Я знал: это он. Бывший прихожанин той самой комиссии. Брат одной из жертв скандала. Сломанный. Но отец Кендзи... я проверил его досье глубже. Он не был в той комиссии. Не подписывал отчёт. Не знал о скандале. Он пришёл в Токио только в 2022-м, из Осаки. Чистый. Добрый. Помогал детям в приюте. Никакой связи.

Я сидел в номере отеля, смотрел на фото билета и номер машины. Сердце билось ровно, но внутри что-то сдвинулось. Он начал с мести. Справедливости. За детей, за молчание церкви. Я бы сделал то же самое. Но теперь он убивает просто потому, что может. Потому что вкус крови стал сильнее, чем боль. Справедливость вышла за рамки. Превратилась в жажду. В то же самое, что и у тех, кого он когда-то ненавидел.

Тот, кто внутри меня, шепнул: «Он больше не жертва. Он монстр. Почини».

Я закрыл ноутбук. Пятнадцатая страна. Пятнадцатый ремонт. Но на этот раз — не за справедливость. За то, чтобы остановить то, что я сам когда-то начал.

Часть 3. Сломанный скальпель

Я сидел в номере отеля, экран ноутбука светился синим в темноте. За окном Токио шумел даже ночью — сирены, неоновые вывески, далёкий гул поездов. Но я не слышал ничего. Только стучал по клавишам, копаясь в старых утечках, форумах для жертв церковных скандалов и анонимных постах на 2ch и Reddit-подобных японских досках. Хаяси Кендзиро. 48 лет. Бывший хирург в больнице Сибуя. Уволен два года назад «по собственному желанию». Живёт один в маленькой квартире недалеко от станции. Нет семьи. Нет друзей в соцсетях. Только мать — умерла от рака в 2021-м. И младший брат... которого больше нет.

Я нашёл его историю по кусочкам. Сначала — старая статья в местной газете 2018 года: «Семья требует расследования случаев домогательств в католической епархии Токио». Хаяси Кендзиро, тогда ещё практикующий хирург, дал интервью: «Мой младший брат, 15 лет, пришёл домой поздно вечером и рассказал, что священник из прихода... трогал его. Мы пошли в полицию». Фото — размытое, но видно: молодой Кендзиро с матерью, оба в чёрном. Глаза у него уже тогда были пустыми.

Дальше — полицейские отчёты, которые утекли в даркнет. Священника задержали через неделю. Отец Такаши. Но доказательств не хватило: нет видео, свидетелей, физических улик. Мальчик отказался от показаний под давлением — «не хотел позорить семью». Судья закрыл дело за отсутствием состава. Священник вышел чистым. Комиссия церкви тоже. Всё длилось полтора года — апелляции, угрозы, молчание. Младший брат, Хаяси Юки, 17 лет, пережил не только насилие. В школе его травили: «педофиловский братишка», «грязный лжец». Он перестал есть, перестал говорить. А потом — прыгнул с крыши школы. Записка: «Я не выдержал. Никто не поверил».

Я нашёл его скан в закрытом чате поддержки жертв. Короткая, детским почерком: «Брат, прости. Мама, прости. Я устал».

После этого Кендзиро исчез из публичной жизни. Уволился из больницы. Мать умерла через год — рак поджелудочной. Он остался один. И где-то в этот момент сломался окончательно.

Я представил его мысли — не трудно, когда знаешь, как это бывает. Он сидел в пустой квартире, смотрел на фото брата, на старые медицинские журналы. Руки, которые спасали жизни, теперь дрожали от ярости. «Они молятся. Они просят прощения. Но никогда не платят». Он начал готовиться. Читал криминальные форумы, изучал полицейские протоколы. Купил скальпель — настоящий, хирургический, №10. Тренировался на манекенах в заброшенном складе. Выбирал места без камер. Убивал точно: один разрез, глубокий, ровный, как в операционной. Положить тело в позу молитвы — чтобы они «молились» вечно. Сорвать крест — символ их лжи. Никаких следов. Никаких эмоций. Только точность. Сначала это была месть. Справедливость. За Юки. За мать. За себя.

Но после третьего... что-то изменилось.

Я нашёл его посты в анонимном блоге — старый, заброшенный, но архив сохранился. Последний пост, датированный за месяц до четвёртого убийства: «Они все одинаковые. Молятся, каются, но продолжают жить. Я думал, три будет достаточно. Но каждый раз, когда я вижу их лица... я чувствую покой. Только в момент разреза. Только тогда. Я не могу остановиться. Это не месть больше. Это... необходимость».

Он решил убить четвёртого. Отец Кендзи. Чистый. Не связанный с комиссией. Просто священник, который любил детей и помогал приютам. Кендзиро выбрал его потому, что... потому что священник носил сутану. Потому что он был похож. Потому что жажда крови уже переросла боль.

Ночь убийства. Переулок за храмом в Асакусе. Кендзиро ждал в тени — чёрный плащ, капюшон, скальпель в кармане. Священник шёл домой после поздней службы. Кендзиро вышел, тихо. «Отец, можно вас на минуту?» Священник улыбнулся — привычно, доверчиво. Кендзиро приблизился. Один быстрый разрез. Кровь. Тело осело. Он сложил руки в молитве, положил крест рядом. Всё по плану.

Но вдруг — звук. Дверь ближайшего дома открылась. Пожилой мужчина, выгуливающий собаку в полночь — бессонница, старость. Собака залаяла. Мужчина включил фонарик на телефоне. Свет упал на переулок. Кендзиро замер. Сердце заколотилось — впервые за всё время. Он не планировал свидетеля. Не в это время. В панике он развернулся, побежал к выходу из переулка. В спешке карман плаща зацепился за стену — смятый билет на метро (он взял его для алиби, чтобы сесть на поезд в другом районе) выпал. Кровь священника уже была на руках, и она капнула на билет. Отпечаток пальца — чёткий, свежий.

Он не заметил. Убежал в темноту. Такси ждало в конце улицы — он всегда брал такси подальше, чтобы не оставлять следов. Но на этот раз номер попал в камеру.

Я закрыл ноутбук. Экран погас. В номере стало тихо. Только дыхание. Я знал: он начал с боли. С справедливости. Как и я когда-то. Но теперь он не может остановиться. Это уже не месть. Это зависимость. Жажда крови, которая пожирает всё, что осталось от человека.

Он стал тем, от кого я чиню мир.

Я встал. Взял куртку. Пора готовиться. Пятнадцатый ремонт. Но на этот раз — чтобы остановить то, что могло случиться со мной.

Часть 4. Скальпель в руках

Служба за Хаяси Кендзиро началась на рассвете. Лицо я знал давно — из полицейских фото в отчётах, из старых статей, из утечек в даркнете. Высокий, худой, седеющие виски, глаза усталые, но острые, как скальпель. Я отслеживал его ритм: выходил в 7:42, всегда в тёмном плаще, сумка через плечо, лёгкая хромота на левую ногу. Я сидел в кафе напротив его дома, с ноутбуком и чёрным кофе без сахара. Он шёл к метро — я давал ему фору в три минуты, потом следовал в другом вагоне. Он пересел на автобус до окраины, зашёл в хозяйственный магазин. Через витрину я увидел: он купил скальпель №10 — стерильный, в упаковке. Заплатил наличными, кивнул продавцу спокойно, почти дружелюбно. Я не рискнул подойти ближе. Достаточно было знать: он готовится к следующему.

Вернулся в отель. Время выбрать инструмент. Зеркало. Он режет скальпелем — точным, хирургическим. Я возьму то же самое. Нашёл подержанный №10 в старом медицинском магазине в Акихабаре — острый, как бритва, без упаковки. Продавец спросил: «Для моделирования?» Я улыбнулся: «Для одного точного разреза. Давно пора починить то, что сломано». Он не понял шутки. Я заплатил наличными и ушёл. Положил скальпель в карман куртки — в специальном чехле. Всё продумано: алиби на вечер (билет в кино на имя туриста), пути отхода, отсутствие камер в выбранном месте.

Решил заехать к дяде Рэю. Нужно было проверить, не заметил ли он моих отлучек. И просто... увидеть его. Он был последним, кто помнил меня до той ночи. Я взял такси. Дверь дома открыта — необычно. Внутри запах крови и антисептика. Рэй стоял в коридоре, бледный, в руках тряпка, пропитанная красным. На диване — мужчина лет пятидесяти, японец, рубашка разорвана, на боку глубокий порез от ножа. Он стонал тихо, но держался. Рэй посмотрел на меня — в глазах смесь облегчения и стыда.

— Итан... хорошо, что ты здесь. Это друг по бизнесу. Попал в переделку. Нужно отвезти к хирургу. Знакомый. Он не задаёт вопросов.

Я кивнул. Не спросил, кто резал. Не спросил, за что. Просто помог поднять раненого в машину. Рэй за руль, я сзади с раненым. Он дышал тяжело, но не кричал. Мы ехали молча. Токио мелькал за окнами — огни, лепестки сакуры на асфальте. Рэй сказал тихо:

— Он не должен умереть. Долги.

Я ответил:

— Он не умрёт. Пока.

Мы приехали в тихий район — старый дом с маленькой вывеской «Клиника Хаяси». Частная практика, почти незаметная. Дверь открыл мужчина в белом халате и хирургической маске, закрывающей нижнюю половину лица. Только глаза — спокойные, усталые, седеющие виски видны над маской. Он кивнул Рэю:

— Заноси.

Мы внесли раненого в кабинет. Хирург работал быстро, точно. Разрезал рубашку, промыл рану антисептиком, взял скальпель — №10, тот же, что я видел в магазине. Движения — как танец: один разрез для доступа, зажимы, нить, швы. Восемь стежков — ровных, идеальных, без лишнего давления. Раненый стиснул зубы, но не крикнул. Хирург говорил тихо, успокаивающе:

— Дыши ровно. Ещё немного. Всё будет хорошо.

Я стоял в углу, наблюдал. Руки в перчатках не дрожали. Скальпель двигался как продолжение пальцев — точность, которой учат годами в операционной. На полке за его спиной — фото: два мальчика, один постарше, один младше. Улыбаются в камеру. Фото старое, потрёпанное по краям. На столе — медицинский журнал, открытый на странице о швах. На

левой руке хирурга — тонкий шрам, видимый через край перчатки. Тонкий, аккуратный, как от скальпеля. Сам себе зашил? Или тренировался на себе?

Он закончил. Наложил повязку. Снял перчатки, вымыл руки. Затем — медленно — снял маску.

Лицо открылось.

Хаяси Кендзиро.

Тот самый профиль из полицейских фото. Те же глаза, что на снимке в досье. Тот же усталый взгляд, который я видел в утечках из форумов. Сердце стукнуло один раз — сильно, как удар молотка по виску. Я замер на мгновение, но лицо осталось спокойным. Как всегда. Он улыбнулся — спокойно, почти дружелюбно.

— Вы родственник Рэя? Американец?

— Племянник. Итан Кроу.

Он протянул руку — чистую, сухую.

— Кендзиро Хаяси. Рад познакомиться.

Мы пожали руки. Его ладонь была тёплой, уверенной. Как у человека, который только что спас жизнь. Я улыбнулся — легко, как всегда.

— Вы хорошо шьёте. Почти без боли.

Он усмехнулся — устало.

— Привычка. Когда работаешь с людьми, нужно быть точным. Один неверный разрез — и всё.

Мы поговорили. О медицине. О Токио. О сакуре. Он говорил спокойно, но в глазах — пустота. Та самая, которую я видел в зеркале каждое утро. Он спросил:

— Вы здесь надолго?

— Пока не закончу дела.

Он кивнул. Как будто понял.

Рэй вернулся. Мы поблагодарили, ушли. В машине он сказал:

— Хороший парень. Спасает жизни. Даже когда не должен.

Я молчал. В голове крутилось: шрам на руке. Фото брата. Точность движений. Всё сходилось. Идеально.

Это он.

Хаяси Кендзиро. Серийник. Человек, которого я пришёл остановить. А я только что сидел в его кабинете. Пожал руку. Посмотрел в глаза. И он улыбнулся мне — спокойно, почти дружелюбно.

Как будто знал.

Я смотрел в окно. Лепестки падали на стекло. Тот, кто внутри меня, шепнул: «Почини. Но теперь... это будет очень сложно».

Машина ехала дальше. А я знал: следующий разрез будет моим. И он будет последним.

Часть 5. Зеркало в алтаре

Утро следующего дня пришло слишком тихо. Я проснулся в пять, как всегда, но тишина в номере отеля казалась неправильной — как будто город затаил дыхание перед ударом. Скальпель лежал на столе, чистый, холодный, отражая утренний свет. Я проверил план ещё раз: алиби — билет в музей на имя туриста, купленный вчера; путь отхода — через задний двор церкви, потом в переулок к метро; инструмент — зеркальный, чтобы он почувствовал свою же точность. Я знал, где он будет. Или думал, что знаю.

Сначала дом в Сибуя. Дверь заперта, окна тёмные. Я постоял в тени напротив, ждал час. Никого. Ни движения, ни света. Потом клиника. Вывеска «Клиника Хаяси» висела как всегда, но дверь закрыта, табличка «Закрыто». Я обошёл здание — задний вход заперт, внутри тишина. Он исчез. Как будто почувствовал мой взгляд. Как будто знал, что кто-то пришёл за ним. Я улыбнулся в пустоту. Он был хорош. Лучше, чем я ожидал. Но я тоже не новичок.

Я вернулся в отель, сел за ноутбук. Проверил камеры метро, такси, форумы. Ничего. Он растворился в городе, как тень под сакурой. Я смотрел на экран и думал о нём. О нас. Мы были зеркалами — отражением друг друга в разбитом стекле. Он потерял брата, мать, веру в систему, которая должна была защитить. Я потерял отца, детство, веру в справедливость, которая должна была наказывать. Он начал с мести — за Юки, за молчание церкви. Я начал с баланса — за отца, за тех, кого мир не смог остановить. Но где-то по пути зеркало треснуло. Он стал убивать не виновных, а просто тех, кто носил сутану. Я стал убивать не просто монстров, а тех, кто уже не мог остановиться. Разница тонкая. Почти невидимая. Но она есть.

Правильно ли убить его? Я сидел у окна, смотрел на лепестки, падающие на асфальт. Если посадить в тюрьму — он выйдет. Рано или поздно. И снова возьмёт скальпель. Потому что боль не уходит с приговором. Она живёт в костях, в каждом вдохе. Если отпустить — он продолжит. И каждый новый разрез будет не справедливостью, а привычкой. Лучше избавить мир от него. Одним точным движением. Как он избавлял от них. Как я избавляю от таких, как он. Это не месть. Это... завершение. Круг, который должен замкнуться.

Я нашёл его к вечеру. Не по камерам — по интуиции. Он выбрал церковь в Асакусе — ту самую, где нашли первую жертву. Большой собор, вечерняя служба закончилась, люди разошлись. Он пришёл туда не случайно. Он хотел, чтобы все увидели. Чтобы уstraшились. Чтобы поняли: молчание кончилось.

Я вошёл через боковой вход — тихо, как тень. Внутри полумрак, свечи горят у алтаря, запах ладана и воска. Священник — молодой, лет тридцати пяти — лежал на полу у алтаря, без сознания. Хлороформ, судя по запаху. Кендзи стоял над ним, скальпель в руке, маска снята. Он не спешил. Хотел, чтобы жертва очнулась. Чтобы увидела. Чтобы молилась.

Я вышел из тени.

— Не надо.

Он замер. Медленно повернулся. Глаза расширились — узнавание. Не страх. Усталость. Глубокая, как пропасть.

— Ты... — голос хриплый, но спокойный. — Итан Кроу. Племянник Рэя.

Я шагнул ближе.

— Да. И я знаю, кто ты.

Он не отступил. Только опустил скальпель чуть ниже.

— Тогда ты знаешь, почему я это делаю.

Я кивнул.

— Знаю. Юки. Твой брат. Священники, которые молчали. Система, которая их защитила.

Ты хотел справедливости. Я понимаю.

Он посмотрел на лежащего священника — с презрением, почти с жалостью.

— Этот... он кажется чистым. Но они все одинаковые. Все способны на то же. Сегодня молятся, завтра — трогают, ломают, молчат. Я видел это в глазах первого. Второго. Третьего. Они несут только боль и смерть в этот мир. Под маской прощения. Я очищаю его. Как ты очищаешь, Хэндимэн. Один разрез — и мир становится чуточку лучше. Я думал, три хватит. Чтобы почтить Юки. Но каждый раз... когда лезвие входит, пустота уходит. На миг. Только на миг. А потом возвращается. Я не могу остановиться. Пока они не закончатся. Или я.

Я замер. Сердце стукнуло сильнее.

— Откуда ты знаешь? Про Хэндимэн. Про меня.

Он улыбнулся — горько, устало, почти с уважением.

— Слышал. Новости по всему миру. Хэндимэн — легенда теперь. Охотник на серийников. Убивает только монстров. Рабочим инструментом — как будто чинит сломанное. Я знал: рано или поздно он придёт за мной. Когда я перешёл грань. Но не думал, что это будешь ты. Простой парень из Сиэтла. Племянник Рэя. С которым я познакомился в клинике. Ты был... обычным.

Я шагнул вперёд.

— Обычным. Да. Пока не вижу монстра.

Он поднял скальпель.

— Тогда давай. Почини меня.

Он бросился — быстро, точно. Скальпель мелькнул к горлу. Я перехватил руку — запястье хрустнуло, но он не закричал. Мы упали на пол, борясь у алтаря. Свечи дрожали, тени плясали на стенах. Он был сильнее, чем казался — хирургические руки, привыкшие к сопротивлению. Он пытался ударить второй раз. Я увернулся, схватил его за горло — не сильно, чтобы не убить сразу. Он смотрел мне в глаза.

— Ты... тоже сломан, — прошептал он. — Мы одинаковые.

— Нет. Я останавливаюсь на монстрах.

Я достал свой скальпель. Один точный разрез — в висок, как он делал. Кровь. Тишина. Тело осело. Глаза открыты, устремлены к потолку церкви — туда, где висел крест.

Я встал. Достал маркер. Написал на стене над телом:

ХАЯСИ КЕНДЗИРО Он мстил за брата, которого отняла система. За мать, которую сломала тишина. Церковь молчала. Полиция молчала. Суд молчал. Они отняли у него всё дорогое. И породили монстра. Теперь он молчит навсегда. Никто больше не будет страдать от его рук.

Я оставил скальпель рядом — его собственный, в крови. Вышел через боковой вход. Никто не видел. Лепестки падали на асфальт, как розовый снег.

Я шёл по улицам Токио. В кармане — фото брата и матери из его кабинета. Я не взял их как трофей. Я взял их как напоминание. Зеркало треснуло. Но круг замкнулся.

Пятнадцатая страна. Пятнадцатый ремонт.

Я знал: где-то внутри всё ещё тикает. Но на этот раз — тише.

Часть 6. Последний лепесток

Утро пришло с дождём — мелким, упрямым, как сиэттский. Я включил телевизор в номере отеля, пока кофеварка шипела на столе. NHK вёл утренний выпуск. Ведущая говорила спокойно, но в голосе сквозило напряжение:

«Прошлой ночью в католическом соборе Асакусы обнаружено тело Хаяси Кендзиро, 48 лет, бывшего хирурга. Он найден мёртвым у алтаря с перерезанным горлом. На стене — надпись, раскрывающая мотивы убийцы: месть за брата, которого церковь не защитила. Полиция связывает это убийство с серией убийств священников в Токио за последние полгода. Хаяси Кендзиро подозревается в них. Эксперты отмечают сходство с почерком Хэндимэн — международного охотника на серийных убийц, который использует рабочие инструменты и оставляет объяснения. Лицо Хаяси Кендзиро теперь известно всем. Полиция Токио проводит расследование...»

Я выключил телевизор. Фото Кендзиро мелькнуло на экране — то самое, из его кабинета, с усталыми глазами. Теперь оно висело на всех новостных сайтах. Я не чувствовал триумфа. Только пустоту — ту самую, что он описывал. Круг замкнулся. Но тишина внутри не ушла.

Я начал паковать вещи. Чемодан — минимум: одежда, скальпель (теперь в двойном дне), фото из его кабинета (я не трофейщик, но это было напоминание). Альбом — селфи под сакурой, фото переулков, площадь Боливар из Колумбии. Я закрыл его, запер. Всё.

Дядя Рэй ждал внизу. Машина стояла у входа. Он вышел, обнял меня — крепко, как всегда.

— Ты улетаешь сегодня?

— Да. Дела в Сиэтле.

Мы сели в машину. Он не спросил про новости. Но я видел — он знал. Глаза красные, будто не спал.

— Ты слышал про Хаяси? — спросил он тихо, когда мы выехали на трассу.

— Слышал.

Он кивнул. Руки на руле сжались.

— Он был хорошим парнем. Спасал жизни. Приходил ко мне, когда нужно было... помочь. Я думал — он просто усталый врач. Не думал, что внутри у него... такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.